
САМЫЙ СТРАННЫЙ НУБ

Глава 1

Темнота никогда не бывает абсолютной. Даже в неосвещенной комнате при отсутствии окон и крепко зажмуренных глазах всегда можно разглядеть хоть что-то: густую сыпь еле заметных белых точек, блеклые разводы, неясные, неуловимые картины. Будто в проектор вставили потрепанный негатив засвеченной киноплёнки, а в качестве экрана решили использовать внутреннюю поверхность век.

Ему не надо было объяснять, что это обозначает. Он помнил все или почти все до того самого момента, когда в ангаре сверкнула вспышка. Возможно, последний свет, который он видел в своей жизни.

У него больше нет зрительного центра, или в лучшем случае он сильно поврежден. Даже если сохранились глаза, что маловероятно, ему попросту нечем принимать информацию от них. Другое объяснение не приходило в голову.

Зрительный центр — это не крошечная точка на задворках. Очень может быть, что головной мозг пострадал в нескольких местах, и пострадал серьезно. Собственно, учитывая силу, которая породила ту последнюю вспышку, остается удивляться, что он до сих пор жив и даже сохранил способность рационально мыслить.

А может и не жив вовсе? Смерть — явление непознанное. При всех знаниях, накопленных человечеством, никто до сих пор так и не дал точный ответ, что же наступает после.

Атеисту трудно поверить в высшие силы, но сейчас он бы не удивился, откройся перед ним светящийся туннель с крылатыми фигурами и божественной музыкой.

Туннель не открылся. И крылатые ангелы не подхватили его грешную душу. Вместо этого он услышал странный голос:

— День девяносто восьмой. Проверка. Раз, раз, раз. Вы слышите меня? Если слышите, попробуйте ответить. Хоть как-то отреагируйте.

Мы видим, что у вас изменились показатели, но не знаем, в сознании ли вы.

Не очень-то похоже на глас высших сил. Но и на человеческий голос тоже не похоже. Безлико, как-то металлически, будто синтезатор вещает.

Несмотря на ситуацию, он не впал в растерянность, следствием которой явились бы проблемы с адекватным восприятием реальности. Почти мгновенно понял, что его предположения по поводу повреждения зрительной системы косвенно подтвердились. К нему пытаются достучаться, используя органы слуха. Судя по отсутствию фоновых звуков, скорее всего, ушей у него тоже нет, информацию передают, воздействуя непосредственно на звуковой нерв, или отвечающие за слух участки головного мозга.

А что у него вообще есть?! Что осталось?..

— Я вас слышу. А вы меня слышите?

— Повторите. Осуществляю настройку, сильные искажения.

— Я вас слышу. Один, один, один, один...

— Достаточно. Мы вас хорошо слышим. Ожидайте, сейчас у вас будет важный разговор.

При отсутствии любых раздражителей трудно судить, сколько времени прошло. Ему показалось, что вечность.

Но все в мире конечно. Вновь ожил тот же металлический голос:

— Поздравляю. Мы уже не надеялись. Вы вернулись с того света. Как самочувствие?

— Не могу ответить. В свою очередь спрошу: сколько именно меня вернулось с того света? Что с моим телом? И что с остальными — теми, кто был рядом?

— К сожалению, тоже не могу дать ответ. Точный ответ. Для этого надо к врачам обращаться.

— А вы разве не врач?

— Нет. Да вы меня должны помнить: я Стив Эдкинс.

— Помню. Вы работали на подборе персонала для нашего проекта.

— Да, все верно. Правда, с тех пор меня немного повысили.

— С тех пор? Это было вчера. Я видел вас только вчера.

— Нет, вы не видели меня вчера. Точнее видели, но это в вашем вчера. Сожалею, но некоторое время вы пребывали в коме.

— Как долго?

— Об этом будет лучше узнать у врачей, меня просили не сообщать подобные детали.

- Почему я разговариваю с вами, а не с ними?
- Они обеспечивают наш разговор. Нам с вами надо как можно быстрее обговорить крайне важные детали. Для этого вызван сотрудник юридического отдела, все тонкости мы обговорим с его участием. Подождите немного.
- Тонкости? Обговорим? Насколько я понимаю, с моим телом все очень печально. Зачем мне разговаривать с представителем компании и ее юристами? Просветите. Или даже это врачи не разрешили?
- Я не юрист, мне сложно...
- А вы все же попробуйте.
- Хорошо. Буду краток. Не могу комментировать ваше состояние, но оно явилось следствием травмы, полученной в рабочее время на рабочем месте. Руководство в моем лице выражает вам искренние...
- Вы обещали кратко.
- Прошу прощения. Так вот, по условиям договора, в подобных случаях компания берет на себя расходы на лечение. Правда, имеются ограничения. В частности, мы не оплачиваем лечение за рубежом. Также не оплачиваем зарубежные доставки органов для трансплантации. Ну и несколько других пунктов. По вашему случаю оплата проводилась и проводится в полной мере. Мы и впредь готовы были это делать, однако ваш непредвиденный выход из комы немного нарушил планы.
- Планы? Надеюсь, вы имели в виду планы лечения?
- Сожалею, но полноценное лечение в вашем случае затруднительно. Собственно, более-менее гарантированное поддержание вашей жизни было возможно лишь в состоянии комы. Выйдя из нее, вы создали проблему для своего тела.
- И зачем мне тело, если его не лечат?
- Я восхищаюсь тем, что вы так хладнокровно оцениваете свое состояние. Оно действительно очень непростое. Но медицина не стоит на месте. Уже сейчас есть экспериментальные разработки, которые, возможно, помогут в вашем случае.
- Вы хотите предложить мне экспериментальное лечение?
- Что вы. Нет. Вы неправильно меня поняли. Скажем так: вам надо дождаться, когда новые методы лечения станут доступными. Надежнее всего это сделать в состоянии искусственной комы. Это уменьшает нагрузку на организм, да и ваша психика может серьезно пострадать за время ожидания.
- Я так понял, вы хотите предложить мне добровольно впасть в кому?

- Да, есть метод, совершенно безопасный.
- Об этом судить не вам, а врачам, которых я почему-то не наблюдаю.
- Вы можете переговорить с вашим доктором прямо сейчас, но, боюсь, он предложит то же самое. Альтернативы нет.
- Альтернатива есть всегда.
- Наслышан о ваших незаурядных талантах, но буду крайне изумлен, если вы найдете другой выход из этой ситуации. Остаться в текущем состоянии выходом не считаю: это будет, по сути, завуалированная эвтаназия.
- Мне нужен юрист.
- Он вот-вот будет.
- Я в клинике?
- Да.
- Вы здесь дежурили в ожидании, когда я приду в себя?
- Нет, что вы.
- Значит, приехали? Мне трудно судить о времени, но показалось, что прошло не так уж много.
- Я подключился к вам через аппаратуру медицинского пункта, что в нашем лабораторном корпусе.
- То есть юрист сейчас идет пешком от административного корпуса?
- Именно так.
- Как придет, разверните его назад.
- Что? Зачем?
- Мне и правда нужен юрист, но не ваш. Мне нужен мой юрист.
- Компания не оплачивает услуги посторонон...
- Я разве что-то говорил насчет оплаты? Прямо сейчас свяжитесь с фирмой «Моррисон и Фентон», это во Фриско. Сообщите господину Фентону, что у меня большие проблемы. Попросите его представлять мои интересы. Если он согласится, ознакомьте его с ситуацией и помогите связаться со мной как можно быстрее. Я ведь полагаю, что времени для этого может оказаться не так уж много?
- Да, ваше состояние... Ну, вы сами понимаете. И хочу заверить, что зря вы отказываетесь от нашего юриста. Заверяю, никто ничего плохого против вас не замышляет, просто ситуации...
- Простите, что опять вас перебиваю, но время, мы оба понимаем, дорого. Пожалуйста, поторопитесь.
- Хорошо. Подождите немного.

Опять он наедине с темнотой, но занят не разглядыванием ее непостижимого мрака, а размышлениями. Пожалуй, разговор с Эдкинсом он провел с пользой. Добился требуемого, и даже без серьезных возражений. Это, разумеется, если разговор шел именно с Эдкинсом, а не с собственной шизофренией, запертой в изуродованных взрывом остатках мозга. Что дальше? Есть ли альтернатива? И поможет ли ее найти Моррисон? Моррисон вряд ли, вот только, если Эдкинс дозволится именно до него, тот, если возьмется, скорее всего, поручит это дело Вайту. А вот Вайт может найти парадный выход даже из газовой камеры, причем по его сторонам будут стоять как минимум два швейцара в ливреях без единой пылинки. А еще Вайт ему кое-что должен, и хочется верить, что он из тех людей, которые о долгах не забывают.

Пожалуй, и впрямь шизофрения... Чем может помочь Вайт в безвыходной ситуации? Тут не о юристах думать надо, а об эвтаназии или коме, что, по сути, одно и то же.

— Джон? Вы меня слышите?

— Стив, мне гораздо приятнее, если вы сейчас будете называть меня Евгением.

— Хорошо, Евгений, как вам удобнее.

В положении умирающего, оказывается, и хорошее есть. Можно нагло наплевать на американизацию самого святого — имени. Маленький, но плюсик.

— Мы связались с господином Моррисоном. Он согласился вести ваше дело. С вами будет работать его сотрудник, Джон Вайт.

— Когда я смогу с ним поговорить?

— Он уже выехал сюда, к нам. Это ближе, чем до клиники. Сказать точно, когда он будет, не могу. Но он уже сейчас просит сбросить ему все материалы по вашей ситуации, хочет ознакомиться с ними по дороге.

Неужто Вайт обзавелся личным шофером? Вряд ли, скорее сильно доверяет автопилоту.

— Могу я пока что переговорить с врачами?

— Да, разумеется.

Лучше бы не говорил. Одно дело предполагать, что все плохо, другое — выслушивать со стороны кошмарные детали, перечисляемые мертвым металлическим голосом.

Все не просто плохо. Это конец. Странно, что с его жалкими остатками ведут вежливые беседы и даже подключают к ним юристов. Дееспособность пациента более чем под вопросом. Неудивительно, что

этот огрызок, бывший некогда молодым и здоровым телом в прекрасной физической форме, не желает оставаться на этом свете. Здесь ему больше делать нечего. Лишь то, что из выжженной лаборатории до бокса глубокой реанимации его сумели доставить менее чем за пять минут, позволило задержаться жизни на жалких руинах бывшего великолепия.

Эдкинс, может, и сволочь та еще, но он прав: долго в таком состоянии не протянуть. Дни? Скорее часы. Он попросту свихнется, таращась во тьму и считая оставшиеся мгновения существования. Ему уже сейчас мерещится во мраке что-то нехорошее, бесшумно подкрадывающееся, плотоядно облизывающееся. Психике нужны раздражители, а здесь их нет, за исключением металлического голоса Стива, вот и старается заполнить пустоту. А от этого неживого голоса можно свихнуться куда быстрее, чем от непроглядной тьмы.

— Дженя, ты меня слышишь?

Не американизированное «Джон», и даже не «Евгений», не «Рос» — Женья. Ну пусть Дженя. Это, похоже, Вайт.

— Слышу. Смешной нигер, где тебя столько носило?

— Почему смешной?

— С такой-то фамилией ты хочешь быть серьезным нигером?

— Нигер — это не слишком удачный термин для диалога двух уважающих друг друга собеседников.

— А я черномазых не уважаю.

— Ты успел заделаться расистом?

— Ага. Причем совершенно случайно. По случаю прикупил себе домик в Алабаме. Милое местечко и милые соседи, совсем не похожие на северян. Знаешь, что редкий негр может пересечь Алабаму из одного конца в конец и ни разу при этом не получить пулю? Вот я и сам не заметил, как втянулся в это дело.

— Женья, я прекрасно знаю, что такое Алабама. И я знаю тебя. Мне тут со всех сторон намекают о твоей недееспособности. Попробуй доказать, что ты просто решил пошутить на грани фола в ситуации, совершенно не располагающей к юмору, иначе я начну прислушиваться к мнению других.

— Тезка, ты знаком с Эдкинсом?

— Уже знаком.

— Хочу тебе сказать, что его голос от твоего ничем не отличается. Я слышу одно и то же. И у врача, с которым я разговаривал, голос такой же.

— Понял. Ты, используя особенности нашего общения, пытаешь выяснить, не являюсь ли я самозванцем. И каков вердикт?

— Как я познакомился с твоим котом?

— Наступил ему на хвост, а в следующий раз, заглаживая вину, принес ему сметаны, и вы стали друзьями.

— Привет, Джон.

— Ну наконец-то ты меня узнал. Мог бы сразу с кота начать, а не расизмом заниматься.

— Извини, сильно нервничаю.

— Да я даже не подумал обижаться.

— Давно не виделись.

— Жаль, что увиделись вот так...

— У меня мало времени, так что обойдемся без лишней лирики.

— Понял, слезы пускать не буду.

— Имей в виду: Эдкинс, возможно, нас подслушивает.

— И это понял.

— Тебя ознакомили с моим случаем? Все прочитал?

— Все, что дали. Ты пострадал во время взрыва в лаборатории.

Из шести сотрудников, бывших на тот момент в помещении, ты единственный выживший. Повезло, что у вас на тестировании находилась капсула глубокой реанимации, тебя едва успели до нее донести. Далее три с лишним месяца комы, искусственное легкое, пищеварительная система, удаление... Впрочем, тебя должны были с этим ознакомить.

— Да. В этой стране от пациентов ничего не скрывают.

— А в твоей?

— Всякое случается, но приврать любят.

— Женья, ты хотел, чтобы мы тебе помогли. Чем?

— Меня хотят опять довести до комы. Я хочу знать: это навечно?

Какие варианты?

— Вариант встать на ноги есть. Новое тело. Клон.

— Разве есть такая технология?

— Официально нет, хотя для себя народ потихоньку выращивает.

Не в этой стране, конечно, но не так далеко к югу все возможно.

— Мой договор не предусматривает лечение за рубежом.

— Знаю. Более того, в нем фигурирует фиксированная сумма, за рамками которой ты не получишь ни цента. И ты уже опасно близок к этим рамкам. Вырастить клон — это сумма с семью нулями, а то и больше. Официально подобное никак не проведешь, потому что услуга криминальная. Клон растят годами, при этом у него возникает

собственная личность. По сути, на выходе мы имеем дело с преднамеренным убийством: сформировавшегося человека разбирают на запчасти для его потрепанного временем и болезнями генетического двойника.

Обкатка технологии так называемых безмозглых клонов — вопрос ближайших лет, но у тебя нет этих лет и нет сумм с таким количеством нулей. К тому же помимо тела у тебя поврежден мозг, и поврежден серьезно. В настоящее время эту проблему не решить никак. Даже в лучшем случае, при полном успехе пересадки, мы получим инвалида, потому что проблема опосредованного переноса пока что не решена, хотя сдвиги в этом вопросе есть, и некоторые эксперты полагают, что мы стоим на пороге прорыва.

— И ты назвал это вариантом?

— Ну... Теоретически это вариант.

— Практически мы попросту потеряли время.

— Это полезная информация. Ты должен был с ней ознакомиться для продолжения разговора.

— Продолжения? Есть еще варианты?

— Три варианта.

— Да у меня, оказывается, бездна выбора... Надеюсь, не такие же?

— Нет. Первый: ты соглашаешься на предложение Эдкинса. Далее следуют кома и криостат. Теоретически в этом состоянии ты сможешь пребывать лет тридцать-сорок. Остатков обязательств компании, твоих средств и средств твоих родителей хватит, чтобы обеспечивать тебя все это время, ну или почти все.

— Моих родителей?

— Да, мы уже с ними связались.

— Они небогатые люди.

— Как и ты.

— Ну, мне бы еще лет пять...

— Которых у нас нет.

— Что дальше по вариантам?

— Второй: тебя отключают по собственному согласию в соответствии с поправкой номер сто сорок три к закону о добровольном уходе из жизни неизлечимо больных. Мы имеем твою смерть и сэкономленные деньги семьи.

— Мило... Я даже боюсь думать, каким будет третий вариант...

— Женя, ты ведь знаешь, насколько я консервативен: сладкое всегда на десерт.

— Давай уж свой десерт..
— Ты когда-нибудь играл в современные игры с полным погружением?

— Тестировал авиатренажеры года два назад. Точнее, пробовал тестировать, ради интереса. Это можно назвать игрой.

— Нет, это не совсем то. Я имею в виду современные сетевые игры. Это игры, в которых играют одновременно тысячи и миллионы, взаимодействуя друг с другом, сражаясь, сотрудничая и даже создавая семьи.

— Извини, но в последнее время у меня ни на что не было времени. Усиленно зарабатывал своей первый миллион, знаешь ли. Во время учебы да, доводилось. Пара приятелей из-за увлечения играми даже с курса вылетели, забив на все, кроме компьютеров. У меня не так серьезно, просто баловался понемногу. Не понимаю, зачем ты о них вспомнил.

— О «Втором мире» слышал?

— Что-то доводилось... Рекламу видел.

— Понятно. Где ты вообще был, раз так отстал от жизни?

— Полгода проторчал в закрытом проекте. Автономная сеть, никаких отлучек с территории. Ни байта информации не должно было уйти до регистрации результатов. На выходе должны были получить пачка патентов, закрытых лицензий и очень солидные суммы на счетах участников. Мы торопились, работали практически без отдыха, на износ. Извини, все детали рассказать не могу.

— Это и не требуется. Я понял: ты был занят работой настолько, что даже за новостями не следил, а за некоторыми следить не мог. Кратко поясню: пока ты занимался не знаю чем, мир не стоял на месте. Онлайн развлечения и раньше интересовались большие киты, а сейчас они наперегонки высовывают морды из мутных вод самого глубокого океана.

Транснациональная игра «Второй мир» на старте стоила без малого девяносто восемь миллиардов — это почти столько же, как вся программа пилотируемых полетов к Марсу. Так что можешь представить масштаб вложений. Первая игра с массовой поддержкой технологии полного погружения и при этом не имеющая критических конфликтов с подключениями по старым версиям. Хотя сейчас с этим начались проблемы. Степень визуализации максимально приближена к реальности. Сложнейший мир, удачное сочетание наработок многих других игровых проектов, что позволяет комфортно играть

пользователям с самыми разнообразными интересами. На сегодня зарегистрировано более четырехсот миллионов аккаунтов¹. Каждый аккаунт именной, привязан к конкретному человеку, так что это реальное число игроков.

— Большинство из которых создали акк и ни разу не играли. Остальные разик-другой зашли и забыли. В итоге реальная цифра куда ниже. Все как в мои времена: на сайте игрушки висела цифра в три миллиона, а в онлайн больше пяти тысяч не бывало.

— Только не в случае «Второго мира», уж поверь пока что на слово. Там, конечно, есть аукционные аккаунты, брошенные и прочие, но их не так много.

— Джон, ты обещал покороче, но мы почему-то уже бездну времени потратили на обсуждение каких-то разрекламированных игрушек.

— Это важно, я ввожу тебя в курс дела, причем вкратце.

— Извини. Внимательно слушаю.

— Еще не забыл стоимость проекта на старте?

— Да, соизмеримо с марсианской пилотируемой программой.

— На сегодня «Второй мир» уже не имеет цены.

— Это как?

— Ты можешь представить, что кто-нибудь купит Нью-Йорк и Токио, а на сдачу получит Берлин?

— Странный вопрос.

— Так вот, «Второй мир» приобрести куда сложнее. Спустя год с небольшим после окончания тестирования этот проект стал бесценным. Первоначальные хозяева теперь имеют скромную долю, а все остальное разделено на несколько государств. Уже неоднократно случались конфликты: в реальном мире одна за другой идут ноты протеста из-за разного рода действий национальных игровых сообществ. Доходит до бряцанья оружием — реальным оружием. И все это ради защиты виртуальных интересов.

— Каких таких интересов?

— Женя, во «Втором мире» делают деньги, и деньги сумасшедшие. И там не все так просто, как в былых добрых игрушках. Замалчивается многое, но даже доступных крох информации достаточно для понимающих.

— И?

---

¹ Аккаунт (сокр. акк) — учетная запись игрока. Включает в себя набор сведений для авторизации (логин, пароль и др.), учета и пр.

— Они хотели получить игрушку, а получили цифровое Эльдорадо. По сути, благодаря «Второму миру» мы вот-вот получим полную победу над безработицей, причем во всем мире.

— Благодаря какой-то вшивой игрушке?

— «Второй мир» — это уже не игра. И уж тем более не вшивая игра. Это целый мир. Возможно, даже лучше нашего.

— Ты играешь?

— Я? Что ты. Там по-настоящему играют лишь бездельники при деньгах, остальные работают как ломовые лошади. А зачем мне работать в Сети, если я и здесь неплохо устроился? Не скрою, заходить туда иногда приходится. Я обслуживаю интересы ряда игровых сообществ. Их интересы в этом мире. В нашем старом добром мире. Они называют его даже не первым, а третьим. Женя, играть придется тебе. Если не хочешь обратно в кому или соглашаться на эвтаназию.

— Джон, я всегда считал, что из нас двоих ты сойдешь с ума последним. Ошибся. Обидно, ведь я редко ошибаюсь.

— Понимаю. Работа у тебя такая: нельзя ошибаться.

— Раз оказался здесь, значит, ошибся...

— Не забыл мои слова насчет того, что многое замалчивается?

— Помню.

— Полное погружение оказалось с подвохом. Высокая степень визуализации, размеры мира, его наполнение и продуманность привели к неожиданным эффектам для игроков. Если ты выбрал такой способ коннекта, то будь готов к сюрпризу. Впервые это всплыло почти сразу после старта «Второго мира». Тогда это был пусть и раскрученный, но обычный игровой проект, с сотнями дышащих в затылок конкурентов, оставших исключительно из-за неподъемной для мелких игроков разницы в финансировании, и прессе никто язык особо не укорачивал.

Суть в том, что в одном из филиалов «Второго мира», где предоставлялась услуга почасового проката капсул полного погружения, случился пожар. При этом часть игроков осталась в капсулах. Никто не пострадал, но коннект был разорван. Однако ни один из игроков не пришел в себя. Из капсул их вытащили в бессознательном состоянии и ни одного из них не смогли привести в чувство. А затем выяснилось и вовсе странное: их персонажи при этом оставались в игре, причем некоторые паниковали, по всем возможным каналам пытаясь сообщить, что не могут выйти в реал. Но стоило подключить их капсулы

к Сети, как все наладилось. Таких застрявших, правда, были единицы. Большинство выбрались самостоятельно и очень удивлялись, увидев себя не в капсулах. Большинство, но не все. Ну, как тебе это?

— Это единичный случай?

— Далекое нет, просто сейчас это стараются замалчивать. Более того, ходят слухи, и я им верю, что так называемый эффект полного присутствия гарантированно достигается после нескольких суток непрерывной игры для любого пользователя. Если отключить капсулу от Сети раньше, обычный игрок просто проснется. И еще, у нас есть один совсем уж интересный прецедент. Игрок, состояние которого было не лучше твоего, застрял в игре после смерти своего тела. Смерть зафиксирована, тело заморожено в ожидании прекращения судебных тяжб. Его персонаж при этом так и существует в игре. Суть юридической проблемы: персонаж настаивает на том, что с потерей тела он не потерял свои права. То есть требует, чтобы за ним сохранились гражданские права и, соответственно, все имущество. Кстати, имущество немаленькое. Родственники в резкой форме отказываются его признавать.

— Ты предлагаешь мне искусственный мир?

— Я бы мог сказать тебе куда больше, но не таким способом. Мы приобрели одному из наших сотрудников аккаунт, в игре ты сможешь узнать у него подробности.

— Ты так говоришь, будто я уже все решил.

— Жень, я знаю тебя не первый день. Ты боец, ты не станешь сдаваться. Вот тебе третий вариант. Мы договариваемся с твоим работодателем, он оплачивает оборудование для твоего подключения и аккаунт на несколько месяцев вперед, далее отправляем тебя на полное погружение. По правилам коннект более двадцати часов запрещен, но в твоём случае мы обойдем запрет благодаря прецедентам с неизлечимо больными, а их уже два. Подробности опущу, но тебе придется поставить электронную подпись под отказом от правовых претензий любого толка в случае гибели твоего тела. Твоих средств, средств твоих родителей и остатков обязательств компании достаточно для приобретения рабочего аккаунта, специального оборудования для подключения больных игроков и поддержания твоего тела в состоянии искусственной комы в течение десяти месяцев. За это время ты должен освоиться в игре и найти себе заработок, достаточный для оплаты аккаунта и содержания тела.

— О каком заработке может идти речь в игре?

— Игровая валюта свободно меняется на реальную, причем первая непрерывно растет в цене. Кто знает, может, ты еще сделаешь свой миллион.

— Какой-то сумасшедший дом...

— Не то слово, — после долгой паузы продолжил юрист. — Стану дряхлым стариком — приду к тебе туда, так что будь готов к приятной встрече. И, Женя, мы с тебя денег не возьмем. Моррисон считать монеты умеет, но еще он умеет помнить тех, кто его выручил в трудную минуту. И я тоже помню. Чудес от нас не жди, но поверь: лучше «Второго мира» тебе никто ничего не предложит. И лучших условий.

— Я понял. Спасибо за помощь. Как и когда это можно провести?

— Ты о чем?

— Подключиться к игре. Я так полагаю, более приемлемых способов существования у меня не осталось.

— Обычно игрок пишет заявку на регистрацию аккаунта. Заявка проверяется, далее идут медицинские тесты, оплата аккаунта. В общем, вся процедура занимает около трех дней.

— А у меня есть три дня?

Джон долго молчал и ответил лишь после повторения вопроса:

— Неизвестно. Именно поэтому мы не предложили тебе начать тяжбу с работодателем. Не факт, что выиграем, но то, что она затянется неизвестно на сколько, факт. То, что ты вообще пришел в себя, — медицинский курьез. Вся твоя клиника на ушах бегает. Тесты, надеюсь, не понадобятся, ты и так протестирован за это время по самое не могу. В офис здешнего филиала «Второго мира» уже поехал Моррисон собственной персоной, а он не из тех людей, перед которыми будут разводить волокиту. Мы надеемся, что в твоём случае формальности позволят упростить или пройти через них быстрее. Если у нас все получится, то еще до конца рабочего дня ты будешь подключен.

— Сколько часов придется ждать?

— Пять-шесть, вряд ли больше. Постарайся продержаться, не вырубиться раньше. Извини, что иногда запаздываю с ответами, просто на ходу договариваюсь с врачами о доставке сетевого оборудования. Подключать тебя придется прямо в клинике, дорогу ты можешь не выдержать. Это лишние расходы, и немалые, но без них никак.

— Пусть все это время со мной кто-нибудь говорит. Я свихнусь, если не будет голосов.

— Это мы тебе обеспечим.

— А нельзя как-то ввести меня в курс дела? Обучить игре? Я ведь понятия не имею, как там зарабатывать и что вообще делать.

— Ты ведь говорил, что играл.

— Ну да, студентом еще, лет пять назад последний раз, наверное.

— Во что?

— «Асы Первой мировой», «Сталинские соколы», «Нашествие».

— О чем там? Кратко? В чем суть игр?

— «Самолетки». Сражение на самолетах против других игроков на тех же самолетах. Что-то вроде групповых симуляторов воздушного боя.

— А ролевые игры?

— Ну.. Была у меня одна подруга. Как-то раз ей в руки попал костюм медсестры, и она...

— Я не о тех ролевых играх. Я об ролевых играх онлайн.

— Это те, где эльфы против гномов?

— Ты утрируешь, но примерно так.

— Нет, в «самолетиках» эльфов не было.

— Тяжелый случай...

— Да зачем эльфы в самолетах?

— И правда, незачем, однако тебе на первых порах непросто придется. Ох как непросто... И времени нет подучить. Черт! Контракт!

— Что?

— С рабочим аккаунтом тебе нужен будет выгодный контракт. А это мы до вечера точно не успеем: не наш профиль. Ладно, ты там, в игре, не рыпайся, сиди тихо, жди, мы с тобой свяжемся, когда подыщем хороший вариант. Думаю, не позже чем завтра.

— А что будет с моим сознанием и телом спустя десять месяцев? Если я не раздобуду деньги?

— Раздобудешь. Ты умный, ты что-нибудь обязательно придумаешь. И про миллион не забывай. А еще лучше про много миллионов. С деньгами там ты имеешь шанс вырастить себе тело здесь. Пусть не сегодня и не через год, но не забывай, что медицина на месте не стоит. Они обязательно что-нибудь придумают. И за это что-то придется хорошо заплатить.

* * *

Чтобы прокормить одного феодала, требовались десятки членов крестьянских семейств, а основной массе ремесленников приходилось помимо основного занятия также возиться на полях и огородах. Это